

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203668-682>

Исследовательская статья

Магомедханов Магомедхан Магомедович,
д.и.н., заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Садовой Александр Николаевич,
д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
sadovoy.a.n@gmail.com

Магдилов Мажид Магдиевич,
к. ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
madgmag65@gmail.com

МОНЕТИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТНО-РЕКРЕАЦИОННОГО И ЭТНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАГЕСТАНА И АЛТАЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье предпринята попытка на примере горных территорий Дагестана и Алтая определить методологические подходы и алгоритмы исследования современных этносоциальных процессов, сопутствующих монетизации ландшафтно-рекреационного и этно-экономического потенциала в историческом контексте. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью оптимизации социальных технологий обеспечения безопасности в трансграничных районах юга России – национальной, экологической, продовольственной, апробированных российским государством. В статье акцентируется внимание на «рациональной составляющей» реализуемой в течение XX – начале XXI столетия государственной политики на Кавказе и Саяно-Алтае. Авторами проведены территориальные исследования нескольких таксонов, в границах которых наиболее отчетливо прослеживается взаимодействие и взаимообусловленность демографических, социально-экономических и этнокультурных процессов, изучение проблемы в комплексе (история, этнография, география, экономика) обусловлено самой природой горных местностей с их известными природно-климатическими, хозяйственно-культурными, социально-структурными, демографическими спецификами регионального, субрегионального, межэтнического и этнического уровней. Результаты изучения проблемы на примере Кавказа и Саяно-Алтая имеют перспективу формирования базы для научного прогнозирования основных трендов изменения этно-социальной обстановки.

Ключевые слова: монетизация; горные территории; ландшафтно-рекреационный потенциал; этно-экономический потенциал; государственная политика; Кавказ; Саяно-Алтай

Для цитирования: Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Магдилов М.М. Монетизация ландшафтно-рекреационного и этно-экономического потенциала горных территорий Дагестана и Алтая: методологические аспекты исследования // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 3. С. 668-682. doi.org/10.32653/CH203668-682

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203668-682>

Research paper

Magomedkhan M. Magomedkhanov,
Dr. Sci., Head of Dept. of Ethnography
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of the RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Alexander N. Sadovoy,
Dr. Sci., Prof., Chief Researcher
Subtropical Research Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

Mazhid M. Magdilov,
Cand. of Legal Sciences
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
madgmag65@gmail.com

MONETIZATION OF LANDSCAPE-RECREATIONAL AND ETHNO-ECONOMIC POTENTIAL OF MOUNTAIN TERRITORIES OF DAGESTAN AND ALTAI: METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESEARCH

Abstract. This article aims to define methodological approaches and algorithms for examining contemporary ethnosocial processes associated with the monetization of landscape-recreational and ethno-economic potential in a historical context, using the mountainous territories of Dagestan and Altai as case studies. The relevance of this research stems from the need to optimize social technologies for ensuring national, environmental, and supply security in the transboundary areas of southern Russia, as approved by the Russian state. The study focuses on the “rational component” of state policies implemented in the Caucasus and Sayan-Altai regions during the 20th and early 21st centuries. The authors conducted territorial studies of several taxa within which the interaction and interdependence of demographic, socio-economic, and ethno-cultural processes are most evident. The multidisciplinary approach to the problem (encompassing history, ethnography, geography, and economics) is necessitated by the inherent nature of mountainous areas, characterized by specific natural-climatic, economic-cultural, socio-structural, and demographic features at regional, subregional, interethnic, and ethnic levels. The findings from this study of the Caucasus and Sayan-Altai regions have the potential to form a basis for scientific forecasting of major trends in evolving ethno-social situations.

Keywords: monetization; mountainous territories; landscape and recreational potential; ethno-economic potential; state policy; Caucasus; Sayan-Altai

For citation: M.M. Magomedkhanov, A.N. Sadovoy, M.M. Magdilov. Monetization of landscape-recreational and ethno-economic potential of mountain territories of Dagestan and Altai: methodological aspects of the research. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. No 3. P. 668-682. doi.org/10.32653/CH203668-682

Введение

Проводимый в последние три десятилетия курс по изменению форм земельной собственности и аграрного сектора экономики, «оптимизации» расходов на содержание социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование), развертывание сети особо охраняемых природных территорий обусловил трансформацию региональной системы социальных коммуникаций, включая внутри- и межэтнические. Этнические и конфессиональные процессы, инициированные «модернизацией» региональной экономики, ее переориентацией на раскрытие рекреационного потенциала территорий и проводимым курсом на «монетизацию» сельской экономики в поисках устойчивых источников доходов семей, как правило, имеют латентную форму. Это определяет их слабую изученность в отечественной историографии, периодически проявляющиеся проблемы методологического и методического плана в поиске «преемственности» национальной политики России на «национальных окраинах», определении факторов и цикличности дестабилизации этносоциальной обстановки при столкновении национальных (государственных), региональных и групповых (этнических и конфессиональных интересов).

Объектом исследования выступает механизм трансформации коммуникационных связей под воздействием проводимых государством проектов и программ сохранения природного и историко-культурного наследия, нейтрализации последствий этнической и этно-социальной стратификации, расширения сети особо охраняемых природных территорий и связанных с этим отчуждением этнической территории под развертывание инфраструктуры туризма, современные (1990–2020 е гг.) процессы трансформации аграрного сектора (модели монетизации) сельских полиэтничных по составу анклавов, его интеграции в стратегии рекреационного развития горных территорий.

Перед авторами исследования стоит задача определить круг противоречий между двумя стратегиями – сохранения традиционных социальных институтов, систем жизнеобеспечения и природопользования этнических форм предпринимательства и культуры населения сельских анклавов. То есть, курсом, объективно сужающем возможности монетизации сельской экономики, определения устойчивых источников формирования семейных бюджетов через процессы модификации традиционной культуры. А также альтернативной стратегией – решением проблем занятости и бедности сельского населения на основе формируемых в субъектах РФ стратегий раскрытия рекреационного потенциала территорий путем привлечения инвестиций со стороны бизнес-сообщества и развертывания на этнических территориях «рекреационных центров», использующих формы этнографического и экологического туризма в качестве бренда.

Научная значимость и актуальность решения обозначенной проблемы определяется прослеживаемыми в отечественной историографии проблемами согласования терминологии, методологии и техник исследования в проектах, объединяющих специалистов общественных (политология, экономика, социология) и гуманитарных (история, этнология) наук, в предметную область которых входит исследование социальных и экологических процессов в районах компактного проживания этнических меньшинств. Опыт пилотажных исследований интеграционного характера, направленных на получение и систематизацию материалов полевых исследований по современной системе внутри- и межэтнических и конфессиональных коммуникаций в границах, заданных (на основе выборочного метода), отражает возможность получения верифицированной информации по латентным социальным процессам, способствующим дестабилизации этносоциальной обстановки. Полученные результаты имеют перспективу неоднократного использования в системе регионального этнологического мониторинга. Отметим также, что актуальность исследования определяется ограниченным количеством работ, посвященных «рациональной» составляющей программ социальной модернизации XX – начала XXI в., инициированной государством, социальным процессам, методологическим подходам научного прогнозирования средне- и долгосрочных последствий реформ начала 1990-х гг. в условиях изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки в отдаленных горных районах РФ.

Методическая и эмпирическая верификация предлагаемых исследовательских подходов заключается в: а) выявлении и анализе решений властных структур (федерального, регионального и местного уровня власти) в развитии рекреационного потенциала горных территорий РФ (на примере республик Дагестан и Горный Алтай); б) формировании методического комплекса полевых исследований

современных этнических (социально-экономических, социокультурных) процессов, систем социальных коммуникаций в среде бизнес-структур (аграрный рекреационный секторы), органов сельского самоуправления, национальных и природоохранных организаций, институтов гражданского общества, как формы «обратной» связи на проводимую на региональном уровне национальную и экологическую политику; в) апробации разработанного комплекса методик в ходе полевых исследований по выборочным районам республик Дагестан и Алтай; г) выявлении и описании современных (трансформированных) систем жизнеобеспечения и природопользования, форм этнического предпринимательства, механизма (комплекса причинно-следственных связей) монетизации сельской экономики, коммодификации культуры, проявлений «фольклоризма», межэтнической напряженности; д) определение основных трендов трансформации, адаптации и интеграции традиционных социальных институтов, систем жизнеобеспечения и природопользования к современным политическим, социально-экономическим и социокультурным процессам, инициированным раскрытием рекреационного потенциала горных экосистем.

Методологические аспекты

Методологической основой исследования выступает системный, процессный и выборочный подходы. В ходе выделения и анализа моделей (социальных технологий и сопутствующих процессов, системы коммуникаций) монетизации сельских экономик в районах рекреационного развития предлагается выдержать принцип иерархической соподчиненности. В соответствии с ним на уровне сельских анклавов проводится сбор полевого материала по процессам трансформации систем природопользования, генезису форм этнического предпринимательства, развертыванию инфраструктуры туризма и сети особо охраняемых природных территорий (разного уровня), системы социальных коммуникаций между низовыми структурами туристических фирм, этническими и семейными предприятиями, национальными общественными объединениями, бизнес-структурами, руководством ООП, сельскими и районными администрациями. На следующем уровне (внутрирегиональном) на основе процессного подхода рассматриваются процессы интеграции форм этнического предпринимательства и внутрипоселенческих коммуникаций в систему внутрирегиональных коммуникаций. Выборочный подход реализуется при оценке репрезентативности полученных на основе полевых материалов выводов в сравнении с другими районами республик.

На следующем уровне объектом исследования выступают нормативные акты федерального и международного уровня, определяющие стратегию правового регулирования реализуемых на региональном уровне программ сохранения природного и историко-культурного наследия. На основе процессного подхода планируется провести систематизацию и компаративный анализ современных концепций отечественной историографии (начиная с конца 1990-х гг. по наст. время) по этнической истории автохтонного населения Горного Алтая и Дагестана, содержанию национальной и экологической политики как перманентного фактора воздействия на изменение текущей этносоциальной обстановки.

Фундаментальный характер исследования (комплексность) определяется его системным и междисциплинарным характером (на стыке истории, этнической социологии, этнографии, социальной антропологии, географии, экономики), ориентацией на формирование алгоритма и комплекса методик, адаптированных к исследованию в полевых условиях латентных процессов. Степень охвата основных аспектов проблемы определяется использованием нескольких вариантов выборочного подхода, исследованием социальных коммуникаций в заданных полевых исследованиями территориальных рамках (выборочных полигонах). Предполагается анализ выявленных коммуникаций как динамической, иерархически соподчиненной системы социальных связей (внутрирегиональный, межрегиональный, межгосударственный уровни), выделение основных внутренних (имманентных) и внешних факторов ее изменения, социальных последствий трансформации. Социальные процессы, определяющие как трансформацию под воздействием стратегии рекреационного развития территории, так и характер обратной связи, планируется рассматривать в динамике и логической взаимосвязи. Особое внимание будет обращено на выявление системообразующих связей, изменение которых с конца 1980-х гг. выступило катализатором изменения роли экспертного сообщества в поиске выхода из системного кризиса, охватившего все сферы жизни РФ.

Методы и инструментарий

Использование широкого спектра методов исследований, который включает полевые исследования, анализ архивных и историографических (вторичных) источников, методы описательной статистики при обработке массовых источников (по выборочным сельским анклавам), обусловлено множеством граней и компонентов проблемы эффективного, «многомерного» освоения горных территорий. Не менее важно использовать и следующие методы сбора материала: а) наблюдение (включенное и стороннее); б) опрос (письменный и устный); в) обработку материалов ведомственных и личных архивов в районах полевых исследований. Методы камеральной обработки полевого материала и выявленного в ходе работы в государственных архивах, текущих архивах муниципалитетов комбинируются с разными вариантами компаративного анализа (историко-генетическим, историко-сравнительным, ретроспективным и т.д.). Инструментами исследования выступают анкеты для проведения опроса, инструкции для интервьюеров и фотофиксации и другие необходимые документы.

Историографический аспект

Обзор историографии политических, социально-экономических, социокультурных, этнических процессов показывает, что в массе своей они были инициированы местными и федеральными органами власти и нацелены на комплексное (системное) решение проявившихся с начала 1990-х гг. проблем бедности сельского населения, сохранения историко-культурного и биоразнообразия на основе стратегии рекреационного развития горных регионов.

Проводимые в РФ с начала 1990-х гг. как политические, так и земельные реформы, объективно, выступают детерминирующим фактором воздействия на системы природопользования и этнические секторы сельской экономики, что позволяет рассматривать их в качестве одной из составляющих национальной политики. По отечественной историографии прослеживается не менее трех циклов воздействия административно-территориальных реформ конца XIX – начала XXI в., определяющих качественную переорганизацию системы социальных коммуникаций, органов местного (сельского) самоуправления, социальной стратификации (этнической, этносоциальной) и качественного изменения традиционной системы и культуры жизнеобеспечения (феномены коммодификации и фольклоризма) в среде автохтонного населения горных районов Кавказа и Саян. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что на каждом из этих циклов на уровне сельских анклавов происходила трансформация традиционных социальных регуляторов, изменение системы обмена продукции, товарно-денежных отношений, инициирующих переформирование социальных страт, т.е. процессов, объективно, отражающих процесс «монетизации» сообществ, относимых к «традиционным».

Первый цикл датируется концом XIX – началом XX в. и отражен в работах, посвященных исследованию миграционной политики, процессов землеустройства, формирования института общинной и частной земельной собственности в среде переселенцев и автохтонного населения. Историографические источники, посвященные этой проблематике по Саяно-Алтайскому и Северо-Кавказскому регионам не только обширны, но и специфичны [1; 2]. Однако важно подчеркнуть, что изученные отечественными историографами миграционные, хозяйственно-культурные, этносоциальные процессы в трансграничных районах юга имперской России имели глобальный характер.

Второй цикл (1920–1980-е гг.) ознаменован формированием социалистического сектора в аграрной сфере, процессами «перевода населения на оседлость», экономики обобществления движимой и недвижимой собственности. Эти процессы привели к углублению процессов изменения этнической и социальной структуры населения, систем расселения, природопользования (экстенсивные формы), социальной стратификации. Этнические аспекты социалистических преобразований (модернизации) в Алтае-Саянском экорегионе отражены в работах Л.П. Потапова [3], В.А. Демидова [4], Н.В. Екеева [5], А.Н. Садового [6], М.В. Белозеровой [7] Л.И. Шерстовой [8] и других исследователей. Анализ историографических источников позволяет выстроить рабочую гипотезу об углублении в советский период региональной специфики модернизации систем социальных коммуникаций в горных районах юга России. Так, в Горном Алтае проводилась повсеместная интенсификация аграрного сектора за счет

распашки долинных комплексов под зерновые и кормовые культуры, развертывания ирригационных систем, увеличения численности стад, табунов, нагрузки на летние пастбища, развитие пчеловодства и мараловодства. С изменением структуры населения за счет переселенцев в экорегионе происходило столкновение двух традиционно хозяйственных специализаций – коренного населения, базирующейся на экстенсивных формах природопользования (отгонное скотоводство, промыслы) и пришлого, ориентированного на интенсивные формы (земледелие, огородничество, пчеловодство). Здесь, в отличие от Дагестана, не проводилась политика массового переселения из горных районов, что привело к слому на обширной территории системы традиционного природопользования, и выводу из хозяйственного оборота антропогенных ландшафтов.

Применительно к Дагестану данный цикл системной модернизации нашел освещение в 3-ем и 4-ом томах академического издания «История Дагестана» [9–10], в монографиях о национально-государственном, культурном, колхозном строительстве в Дагестане [11–13], в написанных на основе материалов масштабных полевых этнографических и этносоциологических экспедиций трудов о современной культуре и быте народов Дагестана [14–15], о традициях и инновациях в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев [16] и др.

Анализ историографических источников позволяет выстроить рабочую гипотезу об углублении в советский период региональной специфики модернизации систем социальных коммуникаций в горных районах юга России. Выявленные тенденции раскрытия рекреационного потенциала сельских территорий, латентных форм этнической и теневой экономики, этнической стратификации (формирование национальных элит) и этносоциальной стратификации, способствующей формированию различий по уровню обеспеченности семей движимой и недвижимой собственностью, оставались за пределами внимания историков, социологов, этнографов. В то же время, полевые материалы авторов статьи отражают, что практика товарно-денежных отношений в границах сельских анклавов, неправовых форм землепользования и сельскохозяйственного производства, ремесленного производства и товарно-денежного обращения, опирающиеся и на многовековые традиции, в советский период сохранялись. Как и историческая память о династиях национальных элит.

Третий цикл (1990 г. – по настоящее время) – ликвидация социалистического сектора аграрной экономики и проведение земельных реформ, получивших отражение в отечественной историографии последних десятилетий, переформатирование социальных страт в среде сельского населения, обусловленных процессами приватизации, «восстановлением» института частной земельной собственности, развертыванием сети особо охраняемых природных территорий, воздействующих на режимы природопользования, объемы изымаемых сельским населением природных ресурсов [17–36]. Объективно эти процессы инициировали коммодификацию (коммерциализацию) традиционной культуры, проявления фольклоризма, формирование нетрадиционных источников семейных бюджетов на основе реализуемых республиканскими органами власти стратегий ландшафтно-рекреационного и этно-экономического освоения горных территории [37]. «Раскрытие» рекреационного потенциала национальных районов, по мнению исследователей, рассматриваются в качестве самостоятельного фактора формирования широкого спектра проявлений феномена фольклоризма [38–40].

Историография национальной политики и этнических процессов советского периода отражает концепцию о «прогрессивном характере» курса на модернизацию социальных отношений на основе раскрытия «рекреационного потенциала» горных районов, вне зависимости от того, как к этому курсу относится сельское население.

Эти оценки по своему характеру мало чем отличаются от проводимых как в отечественной, так и зарубежной историографии подходов к оценке процессов, приобретающих в течение XX – начала XXI в. форму социальных установок о *прогрессивном характере* «перевода кочевников на оседлость» и «обобществления» движимой (Горный Алтай, Дагестан) и недвижимой (Дагестан) собственности, массовых переселений «с гор на равнину» и формирования горно-кутанного животноводства (Дагестан), распашки и ирригации долинных комплексов (зимних пастбищ) под кормовые культуры (Горный Алтай), развития земледелия в горно-таежных ландшафтах (Горный Алтай, Шория, Тофалария), в районах, природно-климатические характеристики которых ограничивают возможности его развития. Т.е. своеобразным проявлением приемов «социальной инженерии», направленных на осознанное изменение этнического состава, мировоззрения, традиционной хозяйственной специализации, образа жизни, быта в среде этносов, в среде которых регуляция социальных отношений столетиями базировалась

на нормах обычного права/ адатов (Горный Алтай, Дагестан) и шариата (Дагестан). При этом особо следует отметить, что консервативность социальных регуляторов горных сообществ определяла имманентную природу этнической самоидентификации, как основы выживания в периоды системных кризисов (войн, пандемий, распада государств). По мнению авторов статьи, в зонах экстремального природопользования, к которым относятся горные и высокогорные ландшафты (не только Дагестана и Горного Алтая), иных моделей адаптации к перманентным процессам изменения как природной, так и социальной среды человечество за всю свою историю не выработало. В силу этого все «социальные эксперименты» по рациональному освоению этих ландшафтов институтами государственной власти, включая современные «стратегии рекреационного развития», не имеют долгосрочной перспективы.

Объединяют концепции «прогресса» методологические подходы «государственной школы» отечественной историографии, в соответствии с которой этносоциальные (этнические) процессы рассматриваются исключительно в контексте политических процессов, направленных на интеграцию национальных районов в административно-территориальную, социально-экономическую и социокультурную инфраструктуру страны. Для этого подхода характерно, что процессы «модернизации» однозначно трактуются как проявление «прогрессивной» направленности проводимой политики патернализма. Как следствие – любые формы ее отторжения со стороны субъекта политики – этносов, рассматриваются представителями этой школы в контексте проявления противопоставления групповых интересов общенациональным, «сепаратизма», «национальной ограниченности» и так далее. Однако, с позиции специалистов в области классической этнографии и этнологии, проблема заключается в том, что процессы модернизации традиционных обществ, к которым относится автохтонное население горных районов Кавказа и Саяно-Алтая, на разных этапах исторического развития не могут иметь однозначной оценки. В этой связи экспертным сообществом Дагестана и Горного Алтая последствия процессов социальной модернизации последних десятилетий рассматриваются не только с точки зрения декларируемого курса социально-экономического развития горных сельских анклавов на основе раскрытия их рекреационного потенциала, но и в контексте специфики историко-культурных, этнических процессов в рассматриваемых регионах. С одной стороны, отмечается необходимость вариативности форм развития этнического предпринимательства в сфере туризма, что, объективно, способствует увеличению значимости товарно-денежных отношений как одного из социальных регуляторов. С другой стороны, акцентируется внимание и на необходимости соблюдения интересов органов сельского самоуправления в их взаимодействии с крупными бизнес-структурами. Подразумевается, что монетизация сельской экономики не должна нести риски исчезновения социальных регуляторов (на уровне населенных пунктов) и коммодификации традиционной культуры. То, что этот процесс углубляется, прослеживается на территории Республики Горный Алтай, для которой характерно, что развертывание инфраструктуры туризма (сети отелей, баз, маршрутов и т.д., в которые вовлечены крупные внешние бизнес-структуры), начало охватывать уже территории традиционного экстенсивного природопользования автохтонного населения. Насколько эти процессы оказывают воздействие на изменение структуры населения (демографической, социальной, этнической), системы расселения и регуляции социальных отношений, включая межэтнические, остается открытым вопросом. Не вызывает сомнения, что, с одной стороны, процессы «монетизации» сельской экономики, при которой на смену традиционным регуляторам приходит система внутри-поселковых товарно-денежных отношений, в Горном Алтае имеет ту же природу, что и на Северном Кавказе. А, с другой, в средне- и долгосрочной перспективе может выступить фактором дестабилизации этносоциальных отношений, аналогичным движению «бурханства» в 1905–1907 гг. или Гражданской войне в послереволюционный период как на Алтае, так и на Северном Кавказе, состав участников которой и интенсивность конфликта во многом определялись характером противостояния этнических и общенациональных интересов, проявившихся в конце XIX – начале XX столетий.

Историко-географический аспект. Автохтонное население гор и мировой рынок

Преставления о том, что горы представляют собой своеобразные «каменные мешки» с населением, изолированным от внешнего мира, не соответствуют действительности. Сохранение традиционной

экстенсивной экономики, только на первый взгляд, имеющей «архаичную» природу, определяется не многовековой «изоляцией», а системой торговых коммуникаций, объединяющей микроэкономические модели сельских анклавов с региональным и мировым рынком.

Одним из приоритетных принципов традиционной горной экономики является и ее способность перехода на «замкнутый цикл» в случае внешней угрозы (войн, эпидемий, системных кризисов и т.д.). Горы во все времена рассматривались автохтонным населением не только в контексте транзитной торговли, объединяющей районы отличной друг от друга хозяйственной специализации, но и в качестве «убежища», что несомненно накладывало отпечаток и на характер международного и регионального товарооборота. В то же время, история международных контактов, характер многоукладности горной экономики, традиционная хозяйственная специализация автохтонного населения накладывала отпечаток на региональную специфику «вхождения» в мировой рынок. Выявить эту специфику возможно только на основе компаративного анализа.

Дагестан

Логистическая система Кавказа, еще с албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) обеспечивавшая по транскавказской, волжско-каспийской магистралям и Шелковому пути экономические, культурные, технологические коммуникации с сопредельными территориями, между Севером и Югом, Востоком и Западом практически до середины XIX в., в основном состояла из маршрутов, проходящих по труднодоступным горным перевалам и функционирующих по несколько месяцев в году. Ремесленная продукция народов Дагестана на протяжении столетий имела устойчивые рынки сбыта в Закавказье, Передней Азии, России, Европе.

В конце XIX – начале XX в. социально-экономическое положение Дагестанской области, особенно Прикаспийской её части, в целом вписывалось в русло общеимперских тенденций развития капиталистических отношений. Что касается сохранности хозяйственно-культурных традиций (зональная *горы-равнина*) специализации в видах и формах хозяйствования (террасное земледелие, горно-долинное садоводство, отгонное овцеводство, промыслы и ремёсла, отходничество, традиционная система хозяйства оказалась вполне жизнестойкой и адаптивной. Более того, система эта сохранила вплоть до нашего времени немалый внутренний, позитивный для экономических преобразований в Дагестане потенциал. Не потеряли своего значения и сформировавшиеся за многие века, оптимизированные к нуждам и запросам каждой сельской общины, модели землепользования, в которой органично сочетались институты частной (*мульк*) и сельской (*хIарим*) и завещанной в ведение мечети (*вакуф*) собственности, т.е. те формы, к восстановлению которых неосознанно и осознанно стремится население горных анклавов. Отметим также, что в Дагестане товарная значимость продукции скотоводства до «социалистических преобразований», в отличие от Горного Алтая, базировалась на концентрации не только движимой, но и недвижимой (террасные земельные участки, пастбища) собственности преимущественно в «руках» сельских общин.

Горный Алтай

В отличие от Дагестана территории Алтае-Саянского экорегиона в районах с экстенсивными формами (отгонные, кочевые) скотоводческого хозяйства институт земельной собственности на пастбищные участки, ни частной, ни родовой, с момента присоединения этого региона к России и вплоть до революции 1917 г. так и не был сформирован. Во многом это определялось системой расселения, при которой рода (*сеоки*) автохтонного населения не были жестко привязаны к долинным комплексам, низким уровнем развития земледелия (отсутствие товарной значимости), полным отсутствием ремесленных центров, мобильностью населения, этнической стратификацией исключительно на основе института частной (не родовой) движимой собственности. На Горном Алтае, как и в Дагестане, традиционные социальные регуляторы определяли приоритетное право семей *зайсанов* и *демичи* выпаса своих отар, стад, табунов в прилегающих к территориально-общинным (айльным) зимним и летним пастбищам

(долинные комплексы рек 2-3 порядка). Но, и в силу того, что весь Горный Алтай являлся собственностью Императорской фамилии (Кабинета), эти земельные угодья не могли быть выделены в собственность, только в пользование (включая аренду). Все это привело к тому, что на территории Горного Алтая, с одной стороны, доминировала территориально-общинная система поземельных отношений с ограниченным числом моделей природопользования [6; 23; 27]. С другой стороны, товарной значимостью исключительно продукции скотоводства, контролируемой несколькими десятками фамилий. В ряде районов (Горная Шория, Хакасия) – продукцией охотничьего промысла.

Проблема регуляции русско-джунгарской торговли была актуальной и до включения Горного Алтая в состав Российского государства [42, с. 250]. Джунгарское купечество, как социальная страта, было широко представлено со второго десятилетия XVIII в. на внутрорегиональных ярмарках (например, Ирбитской) и за границами Сибири. Стороной переговоров по российско-джунгарским торговым связям после распада Джунгарского государства стал Китай [43, с. 396–397, 401; 44, с. 61; 45, с. 105–106]. Протяженная граница между государствами позволяла вести практически бесконтрольный провоз товаров населением Горного Алтая и сопредельной Монголии. Не могли его регулировать и таможенные пикеты [46, с. 28; 47, с. 86].

Оформившиеся в XIX в. линии грузопотока позволяют проследить: а) отношения между стратами торговцев автохтонного населения, переселенцев, «китайских» и «русских» торговых домов; б) формирование этнических секторов экономики и предпринимательства; в) втягивание традиционных форм в капиталистический сектор экономики сектор экономики через систему кредитов.

Основной транспортной артерией региона с 1788 г. выступал Чуйский тракт, соединивший г. Бийск – с. Алтайское – п. Черга – п. Кош-Агач – пикет Юстыд – г. Кобдо (территория Монголии).

Население Чулышманской долины (Северо-Восточный Алтай) с первой половины XIX в. выполняло посреднические функции по переброске товаров из Тувы на Алтай и обратно. Реализация товаров, закупленных на территории Алтая, Шории, северо-западной Монголии, шла по двум направлениям: пушнина и кедровый орех шли через Тюмень, Ирбитскую ярмарку в западном направлении, большая часть скота перегонялась по территории Монголии в Восточную Сибирь, меньшая – по Чуйскому тракту в города Западной Сибири: Бийск, Барнаул, Томск, Тюмень [48, с. 28].

Для традиционной экономики во второй половине XIX – начале XX в. не была характерна «монетизация»: свободное денежное обращение, по факту, отсутствовало. В качестве товарного эквивалента выступал скот («толкун» – годовалый баран), пушнина (белка на Алтае, соболь в Шории), плитки китайского чая, серебро [49, с. 477–488; 3, с. 204]. В отличие от Северного Кавказа на Горном Алтае отсутствовали ремесленные центры, продукция которых была бы востребована на региональном и мировом рынке. Объектом обмена и торговли выступали или продукты питания, или сырье (пушнина, мед, кожи). В силу этого, представители страты «выездных» торговцев, вне зависимости от их этнической принадлежности (русские, китайцы, алтайцы, шорцы и др.), не меняя систему прямого товарообмена, стали использовать систему кредита под ростовщические проценты, определяемые не в денежной, а в той же *товарной форме* [50, с. 136–137; 6; 23; 51].

Специфика трансграничной зоны проявлялась в том, что в ее границах торговля велась лицами, имевшими подданство сопредельных государств, что определяло ее включение уже в мировой рынок: на территории Монголии шла торговля не только китайскими, но американскими и английскими товарами. Китайское правительство более активно, в сравнение с русским, проводило протекционистскую политику по отношению к своим предпринимателям, создавая сеть банков для кредитования торговли, занимаясь реконструкцией трактов, оказывая прямую политическую поддержку [44, с. 57–58]. С открытием Транссибирской железной дороги, в регион вошли не только московские, но и польские (г. Лодзь) фирмы. В г. Бийске были открыты филиалы Сибирского, Русско-Китайского банков, биржи, экспортной палаты [52, с. 80]. Развитие торгово-финансовой инфраструктуры, объективно, мало повлияло на товарно-денежное обращение на уровне внутри- и межпоселковых коммуникаций, отражающих характер внутри- этнических связей. В условиях отчуждения получаемой продукции по условиям предоставляемых кредитов доминировал натуральный обмен, обеспечивающий выживание, ограничивающий этническую стратификацию и формирующий очаги межэтнической напряженности.

В целом можно отметить, что как Горный Алтай, так и Дагестан, из столетия в столетия выступают своеобразными транзитными зонами международной торговли, что, несомненно, определяло и определяет систему как межэтнических (межгосударственных), так и внутри-этнических коммуникаций,

связанных как с производством, так и распределением получаемой продукции (сельскохозяйственной, промысловой, ремесленной и т.д.). Система товарно-денежного обращения оказывала в обоих регионах воздействие на процесс социальной стратификации, определение состава национальных элит и условий для их преемственности вне зависимости от форм государственного устройства, политических режимов, идеологием. Эти процессы, прямо или косвенно относимые к процессу «монетизации», до сих пор не получили отражения в отечественной историографии,

Этносоциальный аспекты раскрытия рекреационного потенциала горных территорий

В реализуемой в субъектах РФ стратегии раскрытия рекреационных возможностей горных территорий превалирует чисто прагматический подход, согласно которому потенциал территории определяется по перспективам расширения сети туристических потоков, ожидаемых прибылей и отчислений в бюджеты органов управления различных уровней. При этом подходе «монетизация» сельской экономики выступает как проявление реакции населения на предлагаемые государством альтернативные традиционным формы занятости сельского населения, как переориентация сельскохозяйственного и ремесленного производства на сферу обслуживания туристических потоков, на первый взгляд, не несущая рисков изменения экологической и этносоциальной обстановки. Однако, опираясь на апробированные в прикладной антропологии исследования механизма трансформации систем традиционного природопользования, можно рассматривать «туризм» в долгосрочной перспективе в качестве фактора этносоциальной напряженности, не менее значимого, чем административно-территориальные реформы. Так как в отечественной историографии проблематика эта разработана явно недостаточно, акцентируем внимание на важнейших, на взгляд авторов статьи, трендах этносоциальных процессов, обусловленных реализацией стратегии развития рекреационного потенциала горных территорий. Прежде всего это *сужение этнической территории*, которая в горных районах идентична понятию территории традиционного природопользования. Так, на Алтае, с начала 1990-х гг. сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ) выступает за решение проблем сохранения биоразнообразия, сохранение историко-культурного наследия и материального обеспечения местных сообществ, раскрытие рекреационного потенциала подконтрольных территорий. Однако бесконтрольная реализация продукции промыслов «туристам» (вопреки угрозе сохранения биоразнообразия, как основы традиционных форм экономики) стала одним из основных источников формирования семейных бюджетов и монетизации внутри- поселковых коммуникаций [24, с. 41–44]. В Горной Шории и Тофаларии объем заготавливаемой и реализуемой пушнины (соболь, белка) в 1990–2000-е гг. на порядок превышал «плановые» показатели «кооппромпхозов».

Отметим также, что в границы ООПТ были включены комплексы «летних пастбищ», что объективно привело также к переформатированию всего комплекса социальных связей как местного населения с руководством ООПТ, так и, собственно, внутриэтнических. Связано это было с тем, что эффективность отгонных форм скотоводства, напрямую зависит от численности стад, табунов и характера распределения движимых форм собственности. Земельные реформы 1990-х гг. на территории Горного Алтая, как и других национальных районах РФ, где практиковались экстенсивные формы землепользования, инициировали процессы этнической стратификации. Одним из социальных механизмов выступала концентрация не столько земельной собственности, сколько производственной инфраструктуры ликвидированных совхозов и движимой собственности (скота).

При всех негативных проявлениях этого процесса, объективно, он способствовал сохранению высокопродуктивных видов, результата селекционных работ в советский период и формированию вокруг «новых» собственников социальных институтов (включая кровнородственные объединения), решившие отчасти проблему занятости сельского населения и сохранения созданной в советский период инфраструктуры. Однако, это способствовало также переформатированию состава акторов, определяющих в настоящее время содержание аграрного производства и современной системы поземельных связей.

Средне- и долгосрочные этносоциальные последствия «монетизации» промыслов и переориентации традиционных форм экономики на программы «рекреационного развития горных территорий

трудно прогнозируемы. Реализуемые в этой сфере научно-исследовательские проекты всегда имели инициативный характер, отражая потенциальные области столкновения групповых интересов между автохтонными группами и бизнес-структурами в сфере туризма [24, с. 37–38], этносоциальные последствия трансформации на рыночной основе традиционных форм природопользования [24, с. 41–44], важность сохранения традиционной хозяйственной специализации горных территорий, формирования «своего» (этнического) сектора в системе местных экономических связей. При этом уровень развития рыночной экономики сам по себе является фактором, дающим коренному населению возможность доступа к ресурсам «своей» территории.

Формирование инфраструктуры туризма на территории Горного Алтая, объективно, инициирует процессы этносоциальной стратификации, для которых характерно, что на территориях традиционного природопользования создаются объекты частной (вариант – корпоративной) недвижимой собственности (гостиницы, базы, кемпинги, сеть дорог и т.д.), оказывающей прямое воздействие на формы занятости сельского населения, формирование рынка сельскохозяйственной / промысловой продукции и услуг. При исследовании системы межэтнических коммуникаций следует акцентировать внимание, что в туристическом сегменте рынка выделяются несколько групп собственников, представляющие устойчивые страты населения. Это: 1) представители национальных элит, сформировавшиеся в «советский период», принявшие активное участие в приватизационных процессах и ориентированные на комбинирование аграрного и рекреационного сектора экономики; 2) представители сельского населения, как из числа автохтонных, так и пришлых этнических групп, ориентированных на развитие семейного (мелкого и среднего) бизнеса в сфере туризма- сельского, этнографического, водного и т.д. и производства востребованной туристами ремесленной продукции; 3) руководство ООПТ федерального и республиканского уровней, реализующих на своей территории программы расширения сети экологических и историко-культурных маршрутов и создание рекреационной инфраструктуры (дороги, стоянки, кемпинги и т.д.); 4) представители крупных бизнес-структур, являющихся для сельских районов республики «нерезидентами», инвестирующими в строительство туристических комплексов, одновременно принимающих несколько сотен туристов (например, «Бирюзовая Катунь», «Империя туризма» и т.д.). Инвестиционная привлекательность Горного Алтая, таким образом сформировала качественно новую систему социальных коммуникаций, устойчивость развития которой в «мирный период» не вызывала никаких сомнений. Проблема заключается в другом: насколько она покажет свою устойчивость в условиях системного кризиса (пандемии, война и т.д.) когда рекреационный сегмент сельской экономики не будет обеспечивать семейные бюджеты, а значительная часть территорий традиционного природопользования выведена из сельскохозяйственного оборота. Не вызывает сомнения, что часть сельских, моноэтнических по составу, сельских анклавов, как и в кризисные 1990-е гг., будет способна выработать на основе традиции социальные регуляторы земельных отношений и обеспечения минимальных потребностей. Однако, можно полагать, что здесь, в отличие от внутренних районов Дагестана, эти регуляторы будут менее устойчивы в силу того, что они не имеют религиозной составляющей.

Дагестан

С распадом СССР Дагестан по социально-экономическим показателям качества жизни занимал среди субъектов Российской Федерации одно из последних мест. Богатая природными и трудовыми ресурсами республика имела бюджет до 90%, сформированный за счет субсидий из Москвы. Средний доход на душу населения в Дагестане составлял одну треть от среднего показателя по России. Из более чем 800 тыс. человек экономически активного населения каждый пятый не имел постоянной работы. В 1990-е гг. из примерно 2 млн населения Дагестана более 40% проживали в сельской местности, преимущественно в горных районах с крайне низким уровнем механизации сельского хозяйства и сезонной занятостью. И еще около 700 тыс. дагестанцев проживали за пределами Дагестана.

В советское время в Нагорном Дагестане основной акцент делался на горно-кутанном скотоводстве и массовых переселениях с гор на равнину. Это оказало прямое воздействие на трансформацию как в республике, так и на сопредельных территориях, системы и структуры населения, производственного цикла, комплекса поземельных связей, но не привело к исчезновению традиционных социальных институтов – семьи, рода, джамаатов, этнической хозяйственной специализации и форм экономики,

определяющих повседневную жизнь [29–31; 34; 37]. Вопреки негативным социально-экономическим и политически дискурсам колхозного строя, можно утверждать, что для Дагестана упразднение колхозов, которые, как известно, были основаны в пределах сельских общин, исторически составляющих первичную матрицу социальной структуры и традиционной политической культуры Страны Гор, *de facto* означало ликвидацию базисных основ воспроизводства социальных связей, локальных идентичностей, традиций жизнеобеспечения. [31]. В отличие от Горного Алтая, на территории Дагестана политика отчуждения территорий традиционного природопользования под особо охраняемые природные территории менее выражена, что выводит природоохранные организации из списка субъектов как экологической, так и национальной политики [53, с. 333].

Заключение

Безопасность институтов государственной власти во многом определяется сформированной ею системой информационного обеспечения и научного прогнозирования проводимого политического курса, в котором решение проблем обеспечения продовольственной, информационной безопасности, сохранения и оптимального использования возобновляемых природных ресурсов, сохранение сбалансированной экологической и этносоциальной сред, рассматривается (на уровне экспертных сообществ) в логической взаимосвязи и взаимообусловленности. То, что научное прогнозирование базируется на процедурах компаративного анализа и моделирования (методика поиска аналогов, на основе выборочного подхода и исторических прецедентов) определяет особое внимание экспертного сообщества к населению горных экосистем в трансграничных зонах. Внимание определяется исключительной устойчивостью традиционных социальных институтов и механизмами вне-биологической адаптации к меняющейся экологической среде, что позволяет «вписать» исследование этого феномена в концепции новой «экологической парадигмы» и «устойчивого развития».

Взятый в настоящее время федеральными и региональными органами власти курс на развитие рекреационного потенциала территорий, с одной стороны, как и предпринимаемые в течение XX в. административно-территориальные и земельные преобразования, объективно выступает фактором прямого воздействия на экологическую и этносоциальную среду как Дагестана, так и Горного Алтая. С другой стороны, как показывает проведенный анализ источников, принимаемые политические решения основываются на оценке ситуации «*in situ*». Этот курс игнорирует исторический опыт национальной политики в этих регионах и базируется на представлениях незыблемости и перманентном характере развития рекреационных секторов экономики, исключительно мирной направленности интеграции полиэтничного населения трансграничных зон в модернизационные процессы. Эти положения с учетом того, что в течение XX столетия только несколько десятилетий были «мирными», далеко не бесспорны. Современные глобальные процессы свидетельствуют, что Российская Федерация входит в стадию кардинальной реорганизации форм государственного устройства, институтов собственности, придания экономике «мобилизационного характера».

В связи с вышеизложенным, по мнению авторов, в отечественной исторической науке сложилась ситуация качественного изменения предметного поля исследования, критического анализа имеющихся концепций и эффективности апробированных методик выявления и анализа современных социальных процессов (включая этнические) в контексте имеющихся исторических прецедентов. И здесь, горные экосистемы выступают одним из наиболее перспективных «исследовательских полигонов», в границах которого на основе синтеза методов общественных и гуманитарных наук проявляется возможность научного прогнозирования изменений экологической и этносоциальной среды в случае резкого изменения международной ситуации, определяющей в настоящее время системный кризис и реорганизацию системы международных, межэтнических и внутри-этнических коммуникаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. / Отв. ред. А.А. Али-Заде. М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 266 с.
2. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
3. Потапов Л.П. Очерк по истории алтайцев. Новосибирск: Политиздат, 1948. – 506 с.
4. Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1970. – 224 с.
5. Екеев Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, Горно-Алтайское отд., 1988. – 208 с.
6. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. – 160 с.
7. Белозерова М.В. Шорцы: жизнь и реформа (20–60-е гг. XX в.). Кемерово, 2004. – 319 с.
8. Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX века: выбор пути // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сборник материалов Всероссийской конференции «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.» / Под редакцией В.А. Ламина. 2003. С. 145–159.
9. История Дагестана. Т. III. М.: Наука, 1968. – 426 с.
10. История Дагестана. Т. IV. М.: Наука, 1969. – 302 с.
11. Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала, 1960.
12. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала, 1960.
13. Османов Г.Г. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961.
14. Современная культура и быт народов Дагестана: Сб. / Ред. кол.: С.Ш. Гаджиева (отв. ред.), Г.Д. Даниялов и др. М.: Наука, 1971. – 232 с.
15. Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане: Сб. ст. / А.И. Исламмагомедов. Махачкала: Даг. науч. Центр, 1984. – 151 с.
16. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М.: Наука, 1988. – 316 с.
17. Милешина, Н.А., Потапова Л.А. Восстановление усадебного наследия России: проблемы законодательного обеспечения // Современный ученый. 2017. №3. С. 241–244.
18. Обухова О.В. Особенности проведения земельной реформы в Российской Федерации на примере Приморского края // Аграрный вестник Приморья. 2016. №3 (3). С. 55–58.
19. Пустовалова О.В. Реалии земельной реформы 1990 гг. Историко-правовой анализ // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. Глобальные процессы в региональном измерении: опыт и современность. 2015. Т. 6. №2. С. 34–43.
20. Палладина М.И. Правовое регулирование земельной реформы: возникновение и развитие права частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2013. №3 (99). С. 19–25.
21. Серогодский Н.А. Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 – начало 2000 – х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. №1. Ч. 1. С. 182–184.
22. Хубиев К.А., Макаров А.И. Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации // Вопросы политической экономики. 2016. №2. С. 76–87.
23. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000.

REFERENCES

1. Minorsky V.F. *History of Shirvan and Derbent in the 10th–11th centuries*. Ed. A.A. Ali-Zade. Moscow: Vost. Lit., 1963. (In Russ)
2. *Dagestan Historical Works*. Moscow: Nauka-Vost. Lit., 1993. (In Russ)
3. Potapov LP. *Essay on the History of the Altaians*. Novosibirsk: Politizdat, 1948. (In Russ)
4. Demidov VA. *Toward Socialism, Bypassing Capitalism. Essay on Socialist Construction in the Gorno-Altai Autonomous Region*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1970. (In Russ)
5. Ekeyev NV. *Socio-economic Development of the Village of Gornyy Altai in the 1920s*. Gorno-Altai: Altay Book Publ., Gorno-Altai Branch, 1988. (In Russ)
6. Sadovoy AN. *Territorial Community of Gornyy Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 1992. (In Russ)
7. Belozerova MV. *Shors: Life and Reform (1920s–1960s)*. Kemerovo, 2004. (In Russ)
8. Sherstova LI. *Aborigines of Southern Siberia in the Context of Russian Modernization at the Beginning of the Twentieth Century: Choosing the Path*. In: Lamin V.A. (ed.) *Siberian Society in the Context of Modernization in the 18th–20th Centuries. Collected Materials of the All-Russian Conference “Siberian Society in the Context of Modernization in the 18th–20th Centuries”*. 2003: 145–159. (In Russ)
9. *History of Dagestan*. Vol. III. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ)
10. *History of Dagestan*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
11. Kazanбиеv MA. *National-state construction in the Dagestan ASSR (1920–1940)*. Makhachkala, 1960. (In Russ)
12. Kaimarazov GSh. *Cultural construction in Dagestan (1920–1940)*. Makhachkala, 1960. (In Russ)
13. Osmanov GG. *Collectivization of agriculture in Dagestan*. Makhachkala, 1961. (In Russ)
14. Gadzhieva SSH., Daniyalov GD., et al (eds). *Modern Culture and Life of the Peoples of Dagestan: Collection*. Moscow: Nauka, 1971. (In Russ)
15. Islammagomedov AI. (ed). *Modern Cultural and Everyday Processes in Dagestan: Collection of Articles*. Makhachkala: DSC Publ., 1984. (In Russ)
16. *Traditional and New in Modern Life and Culture of Dagestan Settlers*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
17. Mileshina NA., Potapova LA. *Restoration of the estate heritage of Russia: problems of legislative support*. *Sovremennyy Uchennyi*. 2017; (3): 241–244. (In Russ)
18. Obukhova O.V. *Features of land reform in the Russian Federation on the example of Primorsky Krai*. *Agrarian Bulletin of Primorye*. 2016; 3(3): 55–58.
19. Pustovalova OV. *Realities of the Land Reform of the 1990s. Historical and Legal Analysis*. *Inter Expo GEO-Siberia. Global Processes in the Regional Dimension: Experience and Modernity*. 2015; 6(2): 34–43. (In Russ)
20. Palladina MI. *Legal Regulation of Land Reform: Emergence and Development of Private Ownership Rights to Agricultural Land*. *Agrarnoe I Zemelnoe Pravo*. 2013; 3(99): 19–25. (In Russ)
21. Serogodsky NA. *Land Reform and Its Implementation in Kuban (1991 – Early 2000s)*. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues*. *Tambov: Gramota*. 2015; 1(1): 182–184. (In Russ)
22. Khubiev KA., Makarov AI. *Alternative approach to land reform in Russia: property relations and the problem of their decriminalization*. *Questions of Political Economy*. 2016; (2): 76–87. (In Russ)

24. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. – 358 с.
25. Шерстова Л.И. Аграрный вопрос и межэтнические отношения в Южной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. 2005. С. 63–68.
26. Садовой А.Н. Опыт землеустройства в зонах сохранения традиционных систем жизнеобеспечения (Аляска – Южная Сибирь, XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ, 1998. С. 433–440.
27. Садовой А.Н., Болдырева С.А. Система жизнеобеспечения населения долинных комплексов Горного Алтая конца XIX в. (опыт клиометрической реконструкции) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.: Изд-во ИЭ РАН, 1996. Вып. 2. С. 98–118
28. Садовой А.Н. К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. №3(83). С. 664–676.
29. Османов М-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху (закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм). М.: Наука, 2002. – 222 с.
30. Агларов М.А. Хиндалал. Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана: очерки традиционной культуры и этноэкономики / Под ред. Амирханова Х.А. Махачкала: МавраевЪ, 2018. – 151 с.
31. Магомедханов М.М. Дагестанцы: веки этносоциальной истории. Махачкала, 2007. – 254 с.
32. Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Ченсинер Р., Баканов А.В., Гарунова С.М. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект АРЧИ // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 157–184.
33. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12 (74). С. 56–62.
34. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2011. – 450 с.
35. Капустина Е.Л. Землячество и региональная власть в контексте изучения миграции из Дагестана в Западную Сибирь // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 188–218.
36. Капустина Е.Л. Глобальное селение: судьба локальности применительно к современной социальной жизни в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 769–782.
37. Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ / П.Х. Акиева, З.В. Атаев, М.А. Багомедов [и др.]; Под общей редакцией М.М. Магомедханова, А.Н. Садовой, З.В. Атаева. Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 218 с.
38. Карпова Г.А., Хорева Л.В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. Теоретические аспекты экономики и социологии. 2016. Т. 10. №9 (70). С. 6–14.
39. Куринских П.А. Проблемы фольклоризма в зарубежной историографии // Научный диалог. 2016. №2 (50). С. 250–260.
40. Куринских П.А. Методологические подходы в исследовании фольклоризма в зарубежной и отечественной
23. Sadovoy AN. *Peoples of Southern Siberia in the XIX-XX centuries. Ethnosocial aspects of paternalism. Abstract of PhD thesis.* Saint-Petersburg, 2000. (In Russ)
24. Poddubikov VV., Sadovoy AN., Belozerova MV. *Expertise and monitoring of traditional forms of nature management of indigenous ethnic groups: methods of applied ethnology.* Kemerovo: OOO Praktika, 2014. (In Russ)
25. Sherstova LI. Agrarian issue and interethnic relations in Southern Siberia. In: M.A. Demin, T.K. Shcheglova (eds). *Ethnography of Altai and Adjacent Territories. Materials of the International Scientific-Practical Conference.* 2005: 63-68. (In Russ)
26. Sadovoy AN. Experience of land management in zones of preservation of traditional life support systems (Alaska – Southern Siberia, 20th century). In: *Siberia in the Panorama of Millennia (Materials of the International Symposium).* Vol. 2. Novosibirsk: IAE, 1998: 433-440. (In Russ)
27. Sadovoy AN., Boldyreva SA. Life support system of the population of the valley complexes of the Altai Mountains at the end of the 19th century. (experience of cliometric reconstruction). In: *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongol Peoples of Southern Siberia and Adjacent Territories.* Moscow: IAE RAS, 1996. Issue 2: 98-118. (In Russ)
28. Sadovoy AN. On the formation of the institution of private land ownership in the transboundary zones of the south of Russia: ethnic aspect. *Bulletin of the Kemerovo State University.* 2020; 3(83): 664-676. (In Russ)
29. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era (patterns of development and transformation, leaching of traditional forms).* Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)
30. Aglarov MA. *Khindalal. Avars of the mountain valleys of Central and Western Dagestan: essays on traditional culture and ethno-economics.* Ed. Amirkhanov H.A. Makhachkala: Mavraev, 2018. (In Russ)
31. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: milestones in ethnosocial history.* Makhachkala, 2007.
32. Magomedkhanov MM., Sadovoy AN., Chensiner R., Bakanov AV., Garunova SM. Green Path of Ethnotourism Monetization: Dagestan. The ARCHI Project. *History, Archeology, and Ethnography of the Caucasus.* 2020; 16(1): 157-184. (In Russ)
33. Magomedkhanov MM., Ramazanova ZB. Transformation of Land Use Traditions in Mountainous Dagestan: Historical Experience and Socio-Economic Effect. *Regional Problems of Economic Transformation.* 2016; 12(74): 56-62. (In Russ)
34. Karpov YuYu., Kapustina EL. *Highlanders after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the 20th – Early 21st Century: Their Social and Ethnocultural Consequences and Prospects.* Saint-Petersburg: Center for Petersburg Oriental Studies, 2011. (In Russ)
35. Kapustina EL. Community and regional power in the context of studying migration from Dagestan to Western Siberia. *Anthropological Forum.* 2020; 46: 188-218. (In Russ)
36. Kapustina EL. Global settlement: the fate of locality in relation to modern social life in Dagestan. *History, Archeology, and Ethnography of the Caucasus.* 2019; 15(4): 769-782. (In Russ)
37. *Ethnoculture of mountain development: the North Caucasus.* P.Kh. Akieva, Z.V. Atayev, M.A. Bagomedov [et al.]; under the general editorship of M.M. Magomedkhanov, A.N. Sadovoy, Z.V. Atayev. Makhachkala: ALEF, 2022. (In Russ)
38. Karpova GA., Khoreva LV. Commodification of intangible cultural heritage in the system of cultural tourism services. *Service in Russia and Abroad. Theoretical Aspects of Economics and Sociology.* 2016; 10(9): 6–14.
39. Kurinskikh PA. Problems of folklorism in foreign historiography. *Nauchni Dialog.* 2016; 2(50): 250-260. (In Russ)
40. Kurinskikh PA. Methodological approaches to the study of folklorism in foreign and domestic historiography. *Bulletin of Tomsk State University.* 2016; 403: 79-81. (In Russ)

историографии // Вестник Томского государственного университета. 2016. №403. С. 79–81

41. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002. – 304 с.

42. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1638–1758) Изд. 2. М.: Наука, 1983. 331 с.

43. Сладкевич М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. – 437 с.

44. Лузянин С.Г. Проникновение иностранного капитала в экономику Внешней Монголии в нач. XX в и русско-монгольская торговля // Взаимоотношения России со странами Востока в сер. XIX – нач. XX вв. Иркутск, 1982. С. 55–66.

45. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987.

46. Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Записки ЗСОПГО. Омск, 1898. Т. XXIII. С. 1–53.

47. Малевский Г. Отчет о путешествии по юго-восточной границе Алтайского горного округа // Горный журнал. 1870. Вып. 10. С. 72–106.

48. Отчет начальника Алтайского округа действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910. Барнаул, 1910. – 303 с.

49. Калачев А. Поездка к теленгитам на Алтай // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 477–488

50. Тыжнов И.И. Из Алтайских этюдов. Чулышманская долина // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб.: 1909. Т. XXXIV. С. 99–140.

51. Садовой А.Н. «Русский кредит» в торговой системе Южно-Сибирского региона в XIX–XX вв. // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научной конференции. Горно-Алтайск, 2006. С. 25–39.

52. Старцев А.В. Сибирские предприниматели в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы «История и общество в панораме веков». Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 79–81.

53. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. – 479 с.

41. Aglarov MA. *Andis: Historical and ethnographic study*. Makhachkala: Jupiter, 2002. (In Russ)

42. Zlatkin IYa. *History of the Dzungar Khanate (1638–1758)*. Publ. 2. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)

43. Sladkevich MI. *History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China (before 1917)*. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ)

44. Luzyanin SG. Penetration of foreign capital into the economy of Outer Mongolia at the beginning of the 20th century and Russian-Mongolian trade. Relations between Russia and the countries of the East in the mid. 19 – early 20 centuries. Irkutsk, 1982: 55–66. (In Russ)

45. Chimitdorzhiev ShB. *Russia and Mongolia*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

46. Shmurlo E. Description of the route between the Altai station and Kosh-Agach in the Southern Altai. *Notes of ZSORGO*. Omsk, 1898; 23: 1–53. (In Russ)

47. Malevsky G. Report on a trip along the southeastern border of the Altai mining district. *Gornyi Zhurnal*. 1870; 10: 72–106. (In Russ)

48. *Report of the head of the Altai district, actual state counselor V.P. Mikhailov on familiarization with the Altai Mountains in the summer of 1910*. Barnaul, 1910. (In Russ)

49. Kalachev A. Trip to the Telengits in Altai. *Zhivaya Starina*. 1896; 3–4: 477–488. (In Russ)

50. Tyzhnov II. From the Altai Sketches. Chulyshman Valley. *Notes of the IRGO on the Department of Ethnography*. Saint-Petersburg, 1909; 34: 99–140. (In Russ)

51. Sadovoy AN. Russian Credit in the Trade System of the South Siberian Region in the 19th–20th Centuries. *Indigenous Peoples of Sayano-Altai: Past, Present, and Future. Proceedings of the International Scientific Conference*, Gorno-Altai, 2006: 25–39. (In Russ)

52. Startsev AV. Siberian Entrepreneurs in Mongolia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *Proceedings of the All-Union Baikal Historical School “History and Society in the Panorama of Centuries”*. Irkutsk, 1990, Part 1: 79–81. (In Russ)

53. Badenkov YuP. *Life in the mountains. Natural and cultural diversity – diversity of development models*. Moscow: GEOS, 2017. (In Russ)

Поступила в редакцию 26.06.2024 г.

Принята в печать 10.09.2024 г.

Опубликована 15.09.2024 г.

Received 26.06.2024

Accepted 10.09.2024

Published 15.09.2024